

16+

СКАЗКА

**За полями, за лесами, или
конец Конька-Горбунка**

Шкапов Ю.Ф.

Юрий Шкапов

**За полями, за лесами, или
конец Конька-Горбунка. Сказка**

«ЛитРес: Самиздат»

1971

Шкапов Ю. Ф.

За полями, за лесами, или конец Конька-Горбунка. Сказка /
Ю. Ф. Шкапов — «ЛитРес: Самиздат», 1971

ISBN 978-5-532-12665-7

Никита – простой деревенский мальчишка. Его детство пришлось на послевоенные годы. Отца забрала война, мать замкнулась в своем горе. Воспитание внука легло на плечи деда. Он учил житейской мудрости, которой сам следовал всю жизнь. Как-то раз дед вырезал необычную деревянную фигурку в подарок. Она еще сыграет свою роль в этой истории. Шли годы, Никита рос. Впереди – длинный жизненный путь. Столица, учеба, завод, целина, стройка. Все эти вехи, наполненные событиями, новыми знакомствами, он преодолевает одну за другой и не замечает, как жизнь проходит своим чередом. Сказка начинается ближе к концу. Но сказка ли это? Или это тот самый урок добрым молодцам, который каждый должен усвоить? Сон ли снится Никите, или это сама жизнь задает вопросы, на которые пришло время ответить? И как вырваться из плена грез теперь, когда наконец-то все понял?

ISBN 978-5-532-12665-7

© Шкапов Ю. Ф., 1971
© ЛитРес: Самиздат, 1971

Юрий Шкапов

За полями, за лесами, или конец Конька-Горбунка. Сказка

За полями, за лесами, или Конец Конька-Горбунка
Сказка

Аннотация

Никита – простой деревенский мальчишка. Его детство пришлось на послевоенные годы. Отца забрала война, мать замкнулась в своём горе. Воспитание внука легло на плечи деда. Он учил житейской мудрости, которой сам следовал всю жизнь. Как-то раз дед вырезал необычную деревянную фигурку в подарок. Она ещё сыграет свою роль в этой истории. Шли годы, Никита рос. Впереди – длинный жизненный путь. Столица, учёба, завод, целина, стройка. Все эти вехи, наполненные событиями, новыми знакомствами, он преодолевает одну за другой и не замечает, как жизнь проходит своим чередом. Сказка начинается ближе к концу. Но сказка ли это? Или это тот самый урок добрым молодцам, который каждый должен усвоить? Сон ли снится Никите, или это сама жизнь задаёт вопросы, на которые пришло время ответить? И как вырваться из плена грёз теперь, когда наконец-то всё понял?

ВСТУПЛЕНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. Про Никитку

Глава I. Деревня

1
2
3
4
5
6
7
8
9

Глава II. На учёбу в столицу

10
11
12

Глава III. Завод

13
14
15

16

17

18

19

Глава IV. Целина

20

21

22

23

24

25

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. Мужание

Глава IV. Целина (продолжение)

26

27

28

29

Глава V. Служба

30

31

32

33

34

35

36

37

Глава VI. На стройке

38

39

40

41

42

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Глава VII. Шаг в сказку

43

44

45

46

ЧЕЛОВЕКУ ЖЕ
МОЯ РОССИЯ

ПОСЛЕВОЕННОМУ

НАШЕМУ

ВРЕМЕНИ

ВСТУПЛЕНИЕ

В ожерелье сказка нижет,

что милее сердцу, ближе.

Как без сказок жить на свете?

Словно куры на повети,

дремлют взрослые и дети:

телефильмы, телебыли

голову совсем забили.

Подрастает люд серьёзный,

исключает все курьёзы,

взвесит всё, на всё расчёт...

Сказкам нынче не почёт.

Гулко хлопнули мы дверью,

и – погиб весь мир поверья,

чудных снов, наивных грёз.

Бог, тот в космосе замёрз.

Похлебавши постных щей,
счах без золота Кощей.
К счастью, шины – не подковы.
Домовой стал участковым.
Ведьмы, те как куры в ощип,
к молодым попали в тёщи.
Чёрт, на что уж был непрост,
а и тот покинул пост, –
по земле пошла проказа,
в трубах черти мрут от газа.
Где Яги был теремок,
там ракетчиков дымок.
Спилен дуб у Лукоморья,
наводил он тень подворьям.
Месяц ясный стал Селеной,
сине небушко – Вселенной.
Спутник на небе висит,
спутник на землю глядит.
Вот он землю облетает
и что надо сообщает.
Учит так теперь букварь:
человек – Природы царь!
Нет местечек затенённых,
нет и мыслей потаённых.

Засветили все углы,
просветили все умы.
Будем все мы очень скоро
в точь, как тот король, который
шёл, как некое явление,
малышу на удивленье.
Нет таинств и нету рыбки
золотой, игривой, прыткой,
ни горбатого Конька...
Вот и здесь про паренька,
про обычного парнишку
вам расскажет эта книжка.
Про моря, леса и горы,
про седой степной ковыль.
Сердца давние укоры
вам напомнит сказка-быль.
Солона селёдка в море,
а в лесу солёный груздь.
У тебя сегодня горе,
завтра – лишь печаль и грусть.
Всё пройдёт неповторимо...
Сказка наша –
быль без грима.
И – что видится нам зримо.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. Про Никитку

Глава I. Деревня

1

За полями, за лесами
под седыми небесами,
возле речки тихой, узкой,
на равнине среднерусской
и на русской же земле
жил старик в одном селе.

У колхозника... нет сына.

Эх, и ладный был детина,
уж головушка буйна!..

Забрала его война.

Жить ему б, отцу и сыну...

Горе враз согнуло спину,
придавила грудь доска –
безысходная тоска.

Бабка, криком хоть кричи,
еле дышит на печи.

И сноха застыла в позе,
ровно льдышка на морозе.

Что ж теперь, всему конец?

А внучонок-пострелец?

Дал-то бог, ведь он с лица

прямо копия отца.

После сытного обеда

даже чуть похож на деда.

Да к тому ж ещё накидка:

дед – Никитка, внук – Никитка.

2

Переможился старик,

к боли будто попривык,

порасправился немножко.

Тёплым летом, взяв лукошко,

шёл в лесок набрать опят.

С головы до самых пят

загорелый, как жучок,

рядом с ним шагал внучок.

Дед души не чаял в нём,

ночью вместе, вместе днём.

Не спеша, солидно, веско

обходили перелески.

Дед, тот шарит посошком,

внук впрысядку, «петушком».

Поустав, залягут в травы

и начнут свои забавы,

делать дудочки, свистки.

Внуку радость, дед с тоски.
Как-то дед сказал: «Внучок,
дай-ка мне во-он тот сучок!»
Повертел в руках, прикинул,
сам уселся на пенёк.
Час всего какой-то минул,
обозначился... конёк! –
Горбунок – конёк ретивый.
Вот потряхивает гривой.
Вот на нём уж в свой черёд
чёртик задом наперёд.
Дед с пенька тут чуть привстал
и мудрёно так сказал:
«Нету божьего участия,
на-ка чёртика на счастье!
Может, хоть тебе случится
малость к счастью приобщиться».

Внук за пазуху скорей...

Мудра старость,
жизнь – мудрей,
задаёт головоломку:
где упасть – стели соломку!

«Де-да!.. Ба-ба!..» – мать-то в поле

от зари и до зари, –

лопотал мальчонка вволю.

А потом заговорил:

«Деда – дай! Не трогай, баба!

Мамка, скоро дашь поесть?!»

Смотрят, что-то делать надо,

внук на шею может сесть.

Долго думали-рядили,

наконец определили

на семейном на совете:

дед за внука пусть в ответе.

Есть закваска, нужны дрожжи,

в этом деду – в руки вожжи.

Пусть обдумает как должно,

круто взять аль осторожно.

Если вдруг «под хвост вожжа»,

чтоб распутал, не брюзжа.

И ещё наказ был деду,

чтобы с внуком вёл беседы.

О людской житейской доле,

кто поменьше, кто поболе.

О земле и разных странах.

О букашках-тараканах.

Обо всём, что есть в природе,

есть в себе и есть в народе.

Дед согласен и по-русски

нёс ответственность нагрузки:

грянет гром – начнёт креститься,

спешка в этом не годится.

Ну, когда дела шли гладко,

говорил он для порядка:

«Так-то дело, брат Никита, –

где собака-то зарыта!»

Если ж вдруг случалось что-то,

прошибало что до пота,

тут уж деда заносило:

«Ах, нечистая ты сила!..»

Вообще ж дипломатично

начинал он так обычно,

(профилактика для внука –

деликатная наука!):

«Как сказать тебе попроще...

Вот возьми хоть эту рощу.

Все – деревья, все – сродни.

И права у них одни.

Всем им поровну даётся.

Да... не поровну берётся!

Дуб, смотри каков, могуч,
так и тянется до туч.
А осинки да берёзки –
мелки, жидки, как подростки.
Только дело, брат, тут в том:
загремит из тучи гром
вслед за молнией-стрелюю,
и со славою былою
распрощался дуб на веки.
Только жалкий вид калеки.
А берёзки да осинки
и там всякие лесинки
до трухлявости в тиши.
Что же лучше? – Сам реши.
Вот и жизнь – дремучий лес:
тот вершит, кто – «до небес!»
Ну и ждём всё лучших дней,
наверху – *и т а м* видней...»

Дед, хоть редко, иной раз
про войну ведёт рассказ.
Про войну и про отца
внук бы слушал без конца.
«...Эх, невзгодина лихая!» –
как всегда, закончит дед

и вздохнёт с глубокой болью.

Внук сопит и в рот пихает

свой пробеганный обед,

две горбушки хлеба с солью,

и вздыхает с дедом врозь –

он про подвиги небось...

4

Так и рос наш паренёк.

Рос ни низок, ни высок,

ни широк, ни хил в плечах,

не могуч, но и не чахл.

В общем, рос парнишка в меру.

Октябрёнком, пионером.

В меру боек, говорлив,

только чуточку ленив.

Был он в школе середняк:

длинный ряд годков учёбы,

знаний дебри и чащобы

проходил он кое-как.

Не давал себя в обиду,

(не бежал реветь домой),

в школу шёл примерный с виду,

а из школы – бог ты мой!

Деревенские привычки!

Драл девчонок за косички.

Дрог до зуб на зуб на речке.
Спал зимой на русской печке.
Грязь месил дубелой пяткой,
воробьёв пугал рогаткой,
лёд сосулек грыз в капель,
нараспашку шёл в метель.
Не считалось за слабинку
с кошкой, псом дружить в обнимку –
засыпал, и вместе ел.
И ни разу не болел.
И не помнит, был ли грустным.
Говорил по-русски вкусно,
чуть враспяжку, чуть на «а» –
по наследству речь дана:
бабкин тон и склад всей речи,
хоть теперь уж та на печи,
а когда-то ведь была
(божий дар природы русской?),
нет ли дел иль есть дела,
по порядку вдоль села
ля-ля-ля да ла-ла-ла,
белой лебедью плыла
иль катила чуть впритруску...

Время шло, малыш подрос
и, конечно, встал вопрос:
кем же быть? Ну хоть, к примеру,
может, станет инженером
иль останется в селе?
В общем, близко ли, далече,
что он будет, человеке,
дальше делать на земле?

Плыл над миром звон Победы!..

И... горьки её последы.

Заслонили свет стеною,

и заходит сердце, ноет.

Где-то жизнь кипит вовсю.

Где-то...

В рост пошёл... овсюг.

Хлеб в полях теснит и глушит.

В быт пророс и тронул души –

цепче глаз, вольней загляд,

руки-спины не болят...

Тяжко было в том краю.

Люди жили «как в раю».

Побросав под плуг картошку,

уходили в лес с лукошком,

(потихонечку, «задами»).

Жили ягодой, грибами.

Пусть лимон иль апельсин

сладко мучает грузин;

где-то пусть из-за наград

люди сажают виноград;

ну их, сласти там, урюки...

То ли дело – руки-в-брюки!

(Раструдишься, а всё впустую,

выгребают подчистую...)

А придёт пора картошки –

городские под гармошку

(иной раз под духовой!)

всковыряют – и долой.

В общем, «вольная житуха».

Да пришла на них поруха:

молодые подрастают,

кончат школу – и растают...

Вот и наш меньшой Никита –

ну к чему тут волокита! –

десять классов в десять лет,

а потом сказал: «Привет!»

и прошёлся руки в боки:

что ему теперь уроки,

он себе хозяин сам,
не какой-нибудь пацан,
и пришла ему пора
подаваться со двора.

6

Начинается земля,
как известно, от Кремля.
Счёт ли годам, счёт ли вёрстам,
каждый шаг народа свёрстан,
отпечатан, сброшюрован
и где надо прошнурован.
Север, запад, юг, восток –
это звёзд кремлёвских ток,
и для каждой части света
шлёт лучи страна Советов.
До границ востока, юга
здесь зимой гуляет вьюга,
а до Северной Земли
трассы южные легли.
На полях кому что надо,
от пшениц до винограда.
В недрах матушки-земли
толщи кладов залегли.
На основе братских уз
образован был союз:

прелесть юга, зной пустынь,

синь тайги и тундры стынь.

А всему здесь голова

и была, и есть – Москва.

Эх, Москва! Всему начало.

Ты по-разному встречала:

на руках одних качала,

величала и венчала;

от иных – одни мочала.

Но у всех мечта теплится

побывать в родной столице.

Там-то вот, в начале света,

и решил пытаться совета,

и решил искать ответа,

наперёд как надо жить

(как о хлебе не тужить,

решета не зная, сита),

деревенский наш Никита.

7

Как ни прячься, ни тяни,

наступают эти дни,

дни тоски и дни тревог –

внук шагает за порог.

Хороша, легка дорога
из деревни в города.
Возвращается немного,
всё туда, туда, туда.
И чего так люди рвутся?
На асфальт с дворовой лужи?
Чтоб одеться и обуться,
подтянув живот потуже?
Теснота – милей простора,
грохот – лучше тишины...
Гарь машинного затора
пахнет слаще бузины?
Непонятно, непонятно.
Век живи и век учись.
Вот к каким «родимым пятнам»
поворачивает жизнь.
Мыслей, дум, сомнений схватки...
Дед всю злость срывал на бабке,
распалялся старый псих.
Ну потом кой-как затих.
Посчитал в уме, прикинул,
казначей-бабку сдвинул
чуть в сторонку – та кряхтит,
мол, в тряпице не ахти.

Что ж, работал не по найму
всю войну, после войны.
Облигаций всяких займов,
коль оклеить, в полстены.
Были святы те бумажки:
то – война, а то – на ГЭС.
Труд великий, горький, тяжкий...
Ну а тут попутал бес,
дед на всё махнул рукою:
эх ты, с жизнью такою! –
надо внука провожать,
надо парня обряжать.
Сгрёб бумажки – и на трассу,
что в районный центр, в сберкассу...
Сразу всё проверил, чохом.
«Н-да, – сказал себе со вздохом. –
Тут сберкасса, а не кон.
Деньги к деньгам – то закон.
Хм, взять на чём хотел барыш –
на-ка, старый, тебе шиш!
Рот раскрыл, что кот на сало...»
На душе покойней стало,
усмехнулся, не грустя:
«Ишь, куда завёл пустяк!»

Игрока прошёл угар.

Свёл овечек на базар,

всё, что надо, закупили

и Никиту обрядили.

8

Боль зубная лишь родня

ожиданью того дня.

Вот и этот день настал.

Ночь никто из них не спал.

Отодвинув чуть в сторонку

у печной трубы заслонку,

дед сидел, курил всю ночь,

отгоняя думы прочь.

Бабка, та в углу на печке

засветила богу свечку –

пусть не числит как доuku

и пошлёт чуть счастья внуку.

Нет покою от волненья –

мать скользит неслышной тенью,

вся поникнув от расстройства...

Лишь виновник беспокойства

спит-сопит без задних ног,

как телёнок-сосунок:

уезжать, а он – каков! –

всё до третьих петухов,
заявился на рассвете.
Что тут скажешь... Эх вы, дети!
Спит себе, и нет забот,
хоть семнадцатый идёт.
Сладко чмокает во сне...

Вот и зайчик на стене –
над землёю солнце встало,
на работу люд позвало.
Зайчик прыгнул на кровать.
Что ж, пора, пора вставать!

Долго ль, коротко ль собираться –
срок в дорогу подаваться.

И Никита – вот он весь:
скромен, тих, посбилась спесь.

Вид немного необычный,
в первый раз одет прилично.

Что и скажет, то негромко.

Просмотрел свою котомку,
сунул мыло, щётку, пасту.

Хомутом неловким галстук.

Жжёт подошвы ног обновы
после беганья ночного.
А! пустяк – пройдёт, притрётся.

Подберём, коль плыть придётся
в Антарктиду на китов.

Ну а тут и так готов!

Первый шаг, он – на всю жизнь.

Время, стой! Чуть задержись,

дай подумать человеку:

можно жить как интересней

и шагать по жизни с песней –

и пройти по ней калекой...

Дай подумать человеку!

«Что ж, готов? Твоя берёт, –

дед тут выступил вперёд. –

Ну, присядь перед дорогой,

я скажу тебе немного...

С точки зренья старины

спать мы нынче не должны.

И чесать лопатки тоже

вроде нам теперь негоже.

Но, скажу тебе, Никитка,

хочешь жить начать ты прытко.

Ладно, съезди, посмотри.

Только всё ж глаза протри:

вон соседский сын Данилы

сеет, пашет любо-мило;

говорит о нём народ –
будет славный хлебороб.
Иль возьми Гаврилы сына:
на завод пошёл детина,
он до техники охочий –
будет стоящий рабочий.
Мог и ты б по их примеру.
Аль ты сразу в инженеры,
в доктора там – как их там?» –
«Д'я ещё не знаю сам...» –
«Мда-а, я вижу – держишь стойко
и науку знаешь бойко,
что есть классы, что прослойка:
пусть те – в дом, а мы – в пристройку?
Ладно, что уж тут тянуть,
коль решил, то – в добрый путь!»

Дед вздохнул, шагнул к порогу,
кукиш тыкнул в угол богу
(а! греши иль не греши...).
«Ты уж нам... того, пиши!..»

9

В тишине звеняще-хрусткой
даль полей равнины русской,
темь лесов, предхолмий синь.

Край родной, куда ни кинь!

Ты потом нам будешь сниться
журавлём, а не синицей.

О тебе, сколь жизнь отпустит,
чувство тёплой сладкой грусти
мы храним как амулет...

Только не в семнадцать лет!

А в семнадцать наш Никита –
ну к чему тут волокита –
прелесть, воздуха дрожанье,
писк цыплят, лошадок ржанье,
охи, вздохи, провожанье –
вскинул за спину мешок,
в дни военных лет рождённый,
у туристов утверждённый,
плеч не режет ремешок,
и – пошёл походкой строгой.

Пыль завесой над дорогой:

мчит машина спозаранку.

Подвезти? – Один момент!

Влез Никита под брезент,

в пыльный кузов.

До свиданья!

Позади все сны-гаданья.
Сел, вздохнул, махнул рукой...

Виснет дымка над рекой.
Пахнет пылью, потом, пашней.
Пахнет... выпечки домашней
пирогам из мешка –
есть так сразу захотелось!
И куда-то делась смелость,
видно, брат, тонка кишка.
И Никита – в эту пору
грузовик вползал на гору,
с перебоями тянул –
пироги все навернул!
Посмотрел – далёкой точкой
всё стоят и дед, и мать.
Пашня, поле, луг, цветочки –
доведётся ль увидеть?
И село уходит в даль.
Жаль? А вроде бы не жаль...
Скрылся дом за поворотом.

Распахнула жизнь ворота:
ну, езжай смелей, Никитка!
(Не забудь: назад – калитка...)

Старики одни. Одни...

Боль зубная – та сродни

этой боли расставанья.

Что ж, теперь лишь ожиданье.

Глава II. На учёбу в столицу 10

«...У артиста – сын артист

(в гармониста ж гармонист!)

лет на сто, ну на полста

все-е позаняты места...»

«...Кукарекнул дед когда-то

внукам, правнукам – зарплата;

чужаку наверх пробиться –

надо заново родиться...»

«... Хлопотно житейско море!..»

Эти мысли в разговоре

наш Никита уловил.

Собеседник мил, не мил,

коль попутчик ты дорожный,

говорить тебе всё можно.

Не о солнышке, о счастье –

разговоры про ненастье,

всё про слякоть, непогоду,

про всеобщие невзгоды.

До чего же люди падки
всласть мусолить недостатки!

Плохо – в радость... Непонятно.
После них хоть на попятный:
вот тебе, мол, по лбу, в лоб ли –
поворачивай оглобли...

Ну уж шиш! Не тут-то было
(руки б только вымыть с мылом).

Если есть и впрямь преграды,
самому пощупать надо,
пусть на лбу набьётся шишка,
не девчонка же, мальчишка.

Перестук вагона мерный
успокаивает нервы...

Вспомнил страхи на вокзале.
«Нет билетов», – так сказали.

По перрону вдоль вагонов
сколько заячьих дал гонов!
«Нет мест», – ответ девиц
в строгой форме проводниц.

Быстрый взгляд на весь твой вид:
«Нет», – и в сторону глядит.

Седоусый проводник
в положенье разом вник.

«Хм... ехать надо – нет билета.

Если б дело только в этом!

Раз уж едешь ты учиться,

дай-ка бог тебе пробиться,

одолеть все льды-торосы –

вдруг ты новый Ломоносов!..»

Чуть прилёг на верхней полке –

где там спать, как на иголках!

Глаз коли, никак не спится –

как-то там Москва-столица,

встретит как?

И вот она

замелькала из окна.

Чинны прибранные дачи,

сини луковки церквей.

О житье народ судачит

и, конечно, о Москве.

Вон над трубами завода

лёгкой тенью виснет хмарь.

Как подпорка небосводу,

телебашня-пономарь.

А дома! Друг друга краше.

(Вот бы их в деревню нашу!)

Сколько ж их, ну прямо туча!

Блещут в мареве текущем,
всё один другого круче,
те вразброс, те сбились в кучу,
эти вытянулись вкось.

Хорошо тут жить небось!
Во-от какая ты, столица...

К окнам вытянулись лица,
как бы что не прозевать,
чтоб потом порассказать, –
всё хоть съездил не напрасно
(кто ж в Москве побыть не чает!).

Где ж Москва гостей встречает –
не на площади же Красной?

Или красное крыльцо
здесь Садовое кольцо?
(Это ж известно с азов...)

Вдруг
шипенье тормозов.
Переборы буферов.
Всё. Столица.

Будь здоров!

11

Все в Москву ведут дороги,

все в Москву, со всех концов.

Обивают ей пороги

тыщи резвых молодцов.

В сто дорог и сто ворот

день и ночь снуёт народ,

на ходу и спит, и ест.

Но у каждого присест –

свой вокзал и свой подъезд.

Ленинградцы, те на свой,

едут с опытом-обменом,

выверяют по безмену,

соревнуются с Москвой.

Моды шик везут из Риги:

женский пол, долой вериги!

Платья, юбки – без подола,

всем курить, орать спидолам!

С соловьиной стороны

прёт торговый люд страны.

Фруктов полные корзины

круглый год везут грузины.

Как свои в базарной Мекке,

развернули торг узбеки.

У ларьков с вином, что няни,

рассыпаются армяне.

Украинцы валят валом
с вишней, семечками, салом.
У кого ж дары попроще,
ну картошка там, ну, в общем,
кто от плуга-бороны –
с Ярославской стороны.

Наш Никита – с той, попроще...

Что ж, Никита, не у тёщи,
коль приехал – вылезай,
подтянись, смелей, дерзай!
Подхватил мешок свой тощий,
вмиг поддался общей спешке,
(тут бегом ходи, не мешкай),
Очутился на метро
и – нырнул Москве в нутро.

Ну, пока там озирался,
восхищался, разбирался,
поезд дважды постарался
пробежать весь свой маршрут.

Наконец-то вроде тут.

А потом ещё трамваем.

Сам кондуктор, позевая,
объяснил ему всё толком.

Дом-то что же, не иголка –

адрес верен, дом, он вот,

тётка где-то здесь живёт.

«Проходи, – сказала тётка, –

нынче родич – кто с мошной!..»

Будто вытянула плёткой,

станешь тут себе смешной.

Молча взял он раскладушку,

вещмешок свой за подушку

молча сунул в дровяник,

ну и... тут немного сник:

«Да-а... Родство – обычай древний,

только здесь не как в деревне».

Дума думой, дело – делом:

чёрный пёс не станет белым,

что при тётке – то при ней.

Утро ночи мудреней.

Потому давай-ка, братец,

времени не будем тратить –

зададим-ка храпака!

(Сон всё лечит, юн пока...)

12

Просыпается столица –

муравейник шевелится.

Шум и гул со всех сторон.

Всё очнулось.

Только сон

ещё реет и теплится

на домах, машинах, лицах.

Сон в испарине бетона,

в тёмных струйках росной крыши.

Льётся в уши тихим звоном.

Тёплым сном вокруг всё дышит.

Он в дремотной позе-муке.

В глубь карманов тянет руки.

В складке рта, слезинке глаза,

в желваках сведённых скул.

Под глазами тушь размазал,

ногу за ногу запнул.

На щеке (с... подушки складкой).

В щёлках глаз (с пирушки сладкой).

Заставляет в зябком вздроге

греть ладонью грудь в дороге.

Губы кривит позевотой...

Ох, доспать-то как охота

всем гулякам молодым!

Но уж солнце выше, выше,

сняло пятна все на крышах –

сон развеялся, как дым.
И тревожит люд забота,
как поспеть бы на работу...
Блещут стёклами витрины,
зазывая на смотрины.
Буквы вывесок аршинны,
шум, движенье, визг машинный.
Всё снуёт, спешит, торопит
как в Америке-Европе, –
знал такое по кино,
вот и здесь заведено.
Не спешить – удел немногих,
большинство ж – смотри под ноги,
неба высь лови на луже,
(правда, лужи здесь похуже).
Ну а вот и институт.
Тут экзамен? Будто тут.
Зданье с виду что коробка.
Внутри вошёл Никита робко.
У дверей по коридору
Люду-у! Шёпотом все споры,
о проблемах мать-ученья,
всё – кому дать предпочтенье:
трудолюбьем наделённым

иль способным дать «зелёный».

И, решив поставить точку

(брат, так гениев – в рассрочку!),

липнут к окнам, словно птицы,

в книгу нос, долбят страницы,

раздувают уголёчек:

ох, ещё б один денёчек!

Сердце тук-тук, так тревожно.

Дверь открыл. «Войдите. Можно».

Взял билет, присел за парту...

Вот тебе и в руки карты:

на, владей своей судьбой.

Только... в чём-то сразу сбой.

Что-то будто туговато,

пот на лбу, и ноги – вата.

Чувство, будто ждёшь укола.

То-то! Здесь тебе не школа.

А ещё всё шамкал дед:

«Прямо дуй в ниверситет!..»

Кой-как справился с волнением.

Взял «четвёрку» сочиненьем.

Как-то будут остальные?

Сдали нервы, не стальные.

Остальные хуже, хуже.

Дверь в ученье уже, уже –
дальше в лес и больше дров...

Наломал.

Бывай здоров!

Глава III. Завод

13

Школа, вуз, аспирантура –

пожелать бы всем удач!

Деревенская натура,

деревенская культура

не дают нестись так вскачь.

И напрасны сожаленья

много лет потом спустя,

мол, подвёл тогда в ученье

на экзаменах пустяк.

Может быть, потом когда-то,

доживём мы или нет,

будет в званье кандидатов

ребятня в шестнадцать лет.

Всё возможно, вряд ли скоро.

Впрочем, что о том гадать:

наше дело – кратко, споро

про парнишку всё подать.

Словно бусинки на нитку,

так в строку, что про Никитку.

Ну так как дела Никиты?

Ходит, что щенок побитый,

(нынче это уж не в моде).

Виноват, глаза отводит.

Повилять бы, нет хвоста.

Голова совсем пуста.

Вид – пришиблен, весь пригнут,

словно впряженный в хомут.

Ни еда, ни сон за сутки.

Что ж, домой?

Ну нет уж, дудки!

Надо как-то перебиться,

а потом уж как-нибудь...

На завод пошёл проситься.

(Многих в наше время путь!)

14

На деревне б охи, ахи,

что, да как, да почему?..

Бабки, тётки, няньки, свахи –

хоть на шею бечеву.

Ну а тут усталый дядька

показал рукой: присядь-ка.

Молча пристально взглянул,

пропуск-листик протянул,

пожелал добра-удачи...

Что же, путь рабочий начат?

Как забавную игрушку,

в проходной крутнул вертушку.

Двор что площадь, вот и цех.

На воротах крупно: «МЕХ».

Что-то вроде темновато,

низковато, душновато.

Ветерок бы хоть подул.

Пахнет... а-а, машинным маслом!

Пол плитой чугунной застлан

(вот в деревню б, на дорогу!).

И людей не очень много,

каждый занят своим делом,

не отходят от станков.

Видно, тут закон таков.

Ну а... этот, в чистом, в белом,

с карандашиком и мелом

ходит у Доски Почёта –

что, и это здесь – работа?

(Чепуха!..)

Так где же мастер?

Вроде вон бежит он.

«Здрасьте!..»

Три минуты разговору.

«Оформляйся, выходи.

А сейчас – валяй в контору...»

Как-то будет впереди?

Оформляйся! Как всё просто:

выбрал сам х/б по росту,

в руки – мыло, рукавицы...

Нет, так всё же не годится,

надо честно объясниться,

что, мол, временно в завод,

ну с полгода, ну – на год.

Объяснить...

В отделе кадров,

вся витая, как параграф,

за барьерчиком девица.

Ух, длиннющие ресницы!

«Я...» – входя, он начал сразу.

«Вы оформлены приказом». –

«Я хочу...» –

«Один момент:

вот возьмите документ.

Та-ак. Оформите прописку.

Завтра утром – на приписку.

Это справка медицины:

вам сначала «на вакцину»,

ну, потом там – зрение, слух.

На рентген успеть до двух...» –

«Хорошо. Но я ж...» –

«Постой-ка –

в общежитие вот, койка.

По тэ/бэ на инструктаж,

с двух до трёх, второй этаж.

(Во даёт! Какой этаж?)

Расписание техучёбы...

(Тут учиться? – Это чтобы...)

...Культпоход в кино и в ТЮЗ.

Комсомол и профсоюз –

тут, направо сразу дверь.

Да, забыла: вы теперь –

Единица государства!..

Что, вам плохо? Дать лекарства?»

15

Детства, юности пора!

Всё для нас тогда игра:

ешь, да спи, да бегай вволю.

В лес, на речку (мимо Поля,

мимо Дела ноги носят!).

Поиграться – «в школу» просят,

тянут, тянут, как бычка,

ну разок дадут тычка.

Поиграть – помочь по дому:

повкуснее взять батоны,

ну ещё там что послаще,

да побольше, да почаще.

А потом в руках «игрушки» –

мамы, бабушки-старушки.

На экзаменах играют –

вольной тему выбирают:

«Дядя Стёпа мне примером,

буду милиционером!»

Что ж, свободная ведь тема.

Ну а тут, изволь, *С и с т е м а:*

делать так-то, делать то-то,

называется – *Р а б о т а!*

«Та-ак, – сказал себе Никита, –

где собака-то зарыта», –

вспомнил деда приговорку.

Что ж, захлопни страхов створку

да уйми дрожанье ног.

Где, который твой станок?

Мастер буркнул: «Вот, токарный.

Подожди...» Исчез из глаз.

Что, уж кончился показ?

М-да, станочек не шикарный,

и хозяин он станка

в званье му-ученика...

«...Хм, вид пощипанного гуся!

Здравствуй, парень. Тётя Дуся».

Перед ним, усмешно глядя,

встала... тётя, а не дядя.

Крепко сбита, как отлита.

Поморгал. «А я – Никита». –

«...Не хватало мне заботы –

вот тебя препоручили.

Как ты думаешь работать:

на кино ли, на харчи ли?

Ладно, вот он, револьверный.

Будет друг тебе он верный,

если ты к нему с душой.

Ну а так... Прок небольшой.

В общем, этот механизм

строит базу в коммунизм.

Ясно?» –

«Ясно».

«Ну и ладно.

Я сама к работе жадна,
и мне некогда с тобой,
тут у нас за планы бой.
А тебе вот в руки ветошь.
В рукавичках? Что ты, лето ж!
Так протри, чтоб был игрушка.
Убери вокруг всю стружку.
Дела тут часа на три.
Ну, валяй, коль нет вопросов.
Да!.. Ты нос-то подотри!»
Машинально тряпку к носу...
Тётя Дуся вся хохочет:
«Во-от, теперь ты – наш, рабочий...»

16

Полетели дни, недели,
по погоде стал им счёт.
Осень листьями метелит,
отдаётся дрожью в теле.
Мысли вдаль, как птиц, влечёт.
Жар морозца грудь вбирает,
чуть дохни – клубит парок.
Молодая кровь играет,
до утра не замирает,
скор девичий говорок.
Вся природа – ожиданье.

Так невеста ждёт наряд...

Той поре – ты отдал дань ей?

Пил морозное свиданье,

миг, когда глаза искрят?

Лишь Никита наш невесел,

ходит голову повесив.

Так, плывёт, лишь бы несло

календарное число,

чёрным дни, а красным – даты...

Мастер знай беги туда-то,

подсоби вон там, вот тут.

А! Какой там институт!

Тряпки, масло, стружка, грязь.

Духом пал, со всем смирясь.

В скоростях станок рычит,

тётя Дуся всё ворчит,

мастер походя кричит.

Острой шпагой лезет стружка,

за резцом летит резец.

Нет ни друга, ни подружки.

Сгиб Никита-молодец.

Как старался! Всё с придиркой:

всё-то им плоха обдирка,

не такой оставлен припуск...

На губах солёный привкус,
скулы сводит напряженье,
от окурков в горле жженье.
Вот проклятая работка,
поотбила всю охотку!
И тоска, хоть волком вой.

«...Да-а, видок не боевой.
Что ж ты так, герой, сомлел,
или каши мало ел?» –
Тётя Дуся-Дульцинея
(той родня, из «Дон-Кихота?»),
до всего вот ей охота,
вся в работе пламенеет.
«Тяжелы ученья кочки?
Подтяни-ка, друг, порточки –
вишь, кругом спуют девчата,
дел-то, дел – край непочатый!
А ты тут развесил нюни:
помоги-ите, тёти Дуни!..
Ты кто – парень? Так не трусь.
Обойдись без тётек Дусь.
Во все дырки суйся, суйся,
всем про всё интересуйся.
Эх вы, временные люди,

подавай вам всё на блюде.

Вас ведь тут десятка по три...

Мать-то, чай, поди-ка ждёт,

вот сыночек в вуз пройдёт.

И куда отец твой смотрит!» –

«На войне он». –

«На войне-е...

Ну прости, коль в чём обида.

Я ведь так, щучу для вида,

прикипел ты к сердцу мне,

вижу – маешься, угрюм.

Ладно, я поговорю...»

Тут же сразу, по привычке –

что ей вывески-таблички,

указатели пути –

как и с чем к кому идти

(всё ей ясно, что почём!),
пошептала с Кузьмичём,

старым мастером-провидцем.

За себя не так бы рада:

«Всё. Берёт. Старик с ехидцей,

только делай всё как надо.

Завтра выйдешь к нему в смену,

во-он на тот станок подменным.

Ну, счастливый путь-дорога!»

Голос дрогнул так, немного,

и глаза на мокром месте –

всё уж порознь, хоть и вместе.

17

«...Вот станок тебе, ДИП-двести, –

ввёл в права его Кузьмич. –

Это должен бы ты знать:

ДИП – «Догнать и перегнать!»

Лозунг был. Не лозунг – клич!» –

И остро взглянул на парня –

понял-нет, юнец-напарник?

Было ж, о-о!.. А вот старик.

Эх, пора – счастливый миг!

Замер, глядя отрешённо.

«М-да, – прокашлялся смущённо. –

Мда, ну ладно, это – было.

Но... что было – не уплыло:

нету в нас того уж пыла,

этот клич теперь – для вас!

Понял?» –

«Понял». –

«В добрый час!»

Знал Кузьмич: лишь на доверье

отрастают крыльев перья

и когда ясны все дали.

«...Изучи станок в деталях.

Обучи резец заточке.

Присмотрись к делам соседа,

что не так – спроси, разведай.

Как готов – поставим точки».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.